

Того же автора:

Этюды по гигиенѣ и лѣченію болѣзней безъ лѣкарствъ, при помощи однихъ только мышечныхъ упражненій.—Цѣна 28 коп.

Конфликты въ духовной жизни современной интеллигенціи.—Цѣна 25 коп.

Какъ мыслятъ Владиміръ Соловьевъ о воскресеніи и значеніе его философіи для гигиены духа.—Цѣна 30 коп.

Вопросъ жизни на пути возрожденія и оздоровленія Россіи.—Цѣна 30 коп.

О взаимномъ оздоровленіи интеллигенціи и народа.—Цѣна 30 коп.

Строительство здоровой жизни и молодежь.—Цѣна 30 коп.

K775
778

Николай Пясковскій.

ДОКТОРЪ МЕДИЦИНЫ.

СТРОИТЕЛЬСТВО ЗДОРОВОЙ ЖИЗНИ И МОЛОДЕЖЬ.

Лекція, читанная въ аудиторіи Историческаго музея въ пользу недостаточныхъ ученицъ гимназіи Шписсъ и въ Сухаревскомъ народномъ домѣ въ пользу общества типо-литографскихъ работниковъ въ мартѣ и апрѣлѣ 1907 года.

I. Философія Ницше, князь С. Трубецкой и наша молодежь. „Разумніе жизни“ въ пантеизмъ Л. Н. Толстого и „смыслъ жизни“ въ христіанскомъ теизмѣ. Свобода и личность человѣка. Воскресеніе—фактъ или мифологія? Соціальныи вопросъ и Христосъ.

II. Разложеніе въ рядахъ молодежи. Современные отцы и дѣти. Герцеиъ и мѣщанство. Материнство, свобода и творчество жизни. „Всемирный студенческой христіанскій союзъ“—40 странъ и 2.000 университетовъ. Петербургскіе христіанскіе кружки студентовъ и курсистокъ. Къ свѣту!

МОСКВА.

Типографія «Русскій Голосъ» (Н. Л. Казецкаго), Мясницкая, д. 20.
1908.

Николай Пясковскій.

ДОКТОРЪ МЕДИЦИНЫ.

K77 $\frac{5}{78}$

СТРОИТЕЛЬСТВО ЗДОРОВОЙ ЖИЗНИ И МОЛОДЕЖЬ.

Лекція, читанная въ аудиторіи Историческаго музея въ пользу недостаточныхъ ученицъ гимназіи Шписъ и въ Сухаревскомъ народномъ домѣ въ пользу общества типо-литографскихъ работниковъ въ мартѣ и апрѣлѣ 1907 года.

I. Философія Ницше, князь С. Трубецкой и наша молодежь. „Разумніе жизни“ въ пантеизмѣ Л. Н. Толстого и „смыслъ жизни“ въ христіанскомъ теизмѣ. Свобода и личность челоѣка. Воскресеніе—фактъ или мифологія? Соціальный вопросъ и Христось.

II. Разложеніе въ рядахъ молодежи. Современные отцы и дѣти. Герценъ и мѣщанство. Материнство, свобода и творчество жизни. „Всемирный студенческий христіанскій союзъ“—40 страницъ и 2.000 университетовъ. Петербургскіе христіанскіе кружки студентовъ и курсистокъ. Къ свѣту!

МОСКВА.

Типографія «Русскій Голось» (Н. Л. Казецкаго), Мясницкая, д. 20.
1908.

Тучи политическихъ страстей времена туманили самый разумъ!

Но жизнь и любовь сильнѣе смерти и разрушенія, и на дымящихся развалинахъ старыхъ строеній мы найдемъ не мало молодежи, съ горячимъ трепетнымъ сердцемъ жаждущей работы созиданія, подвиговъ смиренной и кроткой любви среди всѣхъ даже ужасовъ стихійнаго, всеразрушающаго гнѣва и потоковъ крови.

Христіанскій коллективизмъ поднимаетъ свое знамя тамъ, гдѣ опускаются знамена убійствъ, грабежей и всяческихъ насилій. Творческія силы созиданія, строительства здоровой жизни, проявляютъ свою мощь среди пустыни разрушенія и окровавленныхъ развалинъ.

Во что-бы то ни стало надо идти на помощь пролетариату, но не съ проповѣдью гнѣва и разрушенія, а съ мощной силой любви и жалости къ Лазарю въ лохмотьяхъ и къ Лазарю въ роскошныхъ одеждахъ. И не хлѣба только для насыщенія тѣла, но, еще больше, хлѣба для насыщенія духа нужно искать, чтобы поднять знамя христіанскаго коллективизма.

Но къ сожалѣнію философія сверхчеловѣка, чело-вѣко-бога, а не христіанскаго Богочеловѣка въ настоящее время больше занимаетъ вниманіе нашей молодежи.

Въ самомъ дѣлѣ, христіанская любовь, съ ея основными элементами—кротостью, смиреніемъ и терпѣніемъ—считается современными послѣдователями Ницше, согласно его ученію о сверхчеловѣкѣ, принадлежностью однихъ только слабосильныхъ рабовъ, несчастныхъ больныхъ и немощныхъ, а не сильныхъ духомъ и тѣломъ людей. Не кротость и смиреніе, а гордыня, честолюбіе, высшее проявленіе „самости“, самоуверенія и задоръ, властность и насиліе, — вотъ, что должно управлять силами души чело-вѣка на пути къ его совершенству. Въдѣ кроткій и смиренный чело-вѣкъ не будетъ себѣ расчищать пути къ ницшеанскому идеалу сверхчеловѣка черезъ страданія и даже трупы слабыхъ и больныхъ людей.

Разумѣется, такая философія не можетъ удовлетво-рять не только христіанина, но и язычника, не лишен-наго жалости и состраданія къ немощнымъ и больнымъ. А, между тѣмъ, ею увлекалась современная молодежь и видимо питалась ею, примѣняя къ ужасу многихъ эту философію на практикѣ жизни въ вихрѣ русской рево-люціи, несшейся черезъ трупы не только слабыхъ, но и сильныхъ людей!

Покойный ректоръ московскаго университета кн. С. Трубецкой неслезанно изумлялся успѣху ницшеанской философіи въ средѣ нашей молодежи. Онъ прямо болѣлъ душой при сознаніи, что русская молодежь, столь чуткая ко всему возвышенному, идеальному и прекрасному, не могла понять всей слабости, философской безцвѣтности и моральнаго ничтожества ницшеанства. Его чуткая душа и любящее сердце не могли мириться съ тѣмъ, что наша молодежь готова была продать Христа за Ницше, готова была черезъ трупы людей достигнуть мнимаго величія ницшеанскаго сверхчеловѣка. Даже смерть самого Ницше въ припадкѣ безумія не могла убѣдить поклонниковъ въ мишурности и искусственности, въ ложномъ блескѣ этой философіи. А въдѣ сверхчеловѣкъ Ницше почти ничѣмъ не отличается отъ чело-вѣко-бога, римскихъ кесарей, за-ставлявшихъ людей кланяться собственнымъ своимъ ста-туямъ, какъ богу. Сверхчеловѣкъ Ницше, какъ и чело-вѣко-богъ римскихъ кесарей—это ничто иное, какъ без-умное проявленіе безграничнаго, безжалостнаго эгоизма, страшной гордыни его, забывающей о томъ, что чело-вѣкъ въ этой жизни не больше, какъ разлагающійся трупъ, которому ежеминутно угрожаютъ смерть, тлѣніе и разрушеніе.

Такова цѣнность философіи Ницше.

Но посмотримъ дальше, не дастъ ли чего-либо болѣе цѣн-наго философія Л. Н. Толстого, которымъ такъ еще недав-но увлекалась наша молодежь, нарушивъ однако въ наши смутные дни его заповѣдь о непротивленіи злу насиліемъ.

Какъ извѣстно, Л. Н. Толстой учитъ тому, что въ личности человѣка—все міровое зло. Нужно отринути личность, забыть ее, чтобы не бояться смерти. Но изумительно при этомъ то, что Л. Н., отрицая личность, о ней только и говоритъ, когда поднимаетъ вопросы этики.

Удовлетвореніе духовныхъ высшихъ потребностей человѣка Л. Н. видитъ въ физическомъ трудѣ для другихъ,—и это есть яко-бы жизнь духа въ любви... „Разумѣніе жизни“ для Л. Н. стало вмѣсто Евангельскаго Бога, Логоса, смысла жизни. Счастья для личности нѣтъ и не можетъ быть, ибо оно только въ его пантеистическомъ богѣ, т.-е. въ сліяніи съ этимъ безличнымъ богомъ. Источникъ человѣческихъ страданій, по мнѣнію Л. Н., заключается въ личномъ сознаніи человѣка, въ требованіяхъ личной жизни, которымъ нѣтъ удовлетворенія. Поэтому Л. Н. говоритъ: долой личность, пусть она сгинетъ, и нечему будетъ страдать!

Неправда-ли, что и голодному въ такомъ случаѣ можно сказать: милый, у тебя нѣтъ тѣла, желудка согласись съ этимъ, и ты не захочешь ѣсть!..

Отвергая реальныя и неотразимыя потребности человѣческой личности, отвергая личнаго Евангельскаго Бога и строя свою философію на пантеизмѣ, Л. Н. повторяетъ Спинозу и другихъ пантеистовъ, не признающихъ Личнаго Бога, а признающихъ всебожіе, проявленіе божества во всѣхъ явленіяхъ міра, а также въ душѣ и разумѣ человѣка. Вотъ почему онъ отвергаетъ Евангельскаго Богочеловѣка, ставя на Его мѣсто всякое человѣческое существо со всѣми его недостатками и зломъ.

Отрицая личность въ человѣкѣ до самоотреченія, онъ, тѣмъ не менѣе, свой разумъ, очевидно, выше ставитъ даже Христова разума. А это уже есть гордыня личности его, несмотря на отрицаніе ея. А вѣдь вся суть подлиннаго христіанства именно заключается въ смиренной и кроткой любви, въ томъ самоотреченіи, примѣръ котораго намъ показалъ Христосъ, не отрица-

однако, ни своей личности, ни личности человѣка, а, напротивъ того, вознося эту личность до божественныхъ потенцій.

Ясно изъ этого, что Л. Н. здѣсь проявляетъ особенную какую-то самовлюбленность въ свое разумѣніе жизни и ту гордость ума, которая чернымъ пятномъ ложится на весь великій геній его художественнаго творчества. Въ самомъ дѣлѣ, онъ не довѣряетъ природнымъ грекамъ въ знаніи ихъ родного языка, не довѣряетъ въ этомъ такимъ геніальнымъ греческимъ умамъ, какъ Іустинъ філософъ, Василій Великій, Іоаннъ Златоустъ. Онъ на полу-столѣтніи своей жизни беретъ изучать греческій языкъ съ тѣмъ, чтобы исправлять евангелія, и исправляетъ ихъ опять-таки согласно своего разумѣнія, своего вкуса, а не согласно научной дисциплинѣ любого историческаго изслѣдованія. Отвергая Божественную личность Христа и личность всякаго человѣка, онъ жертвуетъ величайшимъ благомъ человѣка—свободой и всякимъ смысломъ жизни...

Въ самомъ дѣлѣ, какая-же свобода въ пантеистическомъ сліяніи человѣка съ безличнымъ божествомъ, въ которомъ человѣкъ исчезаетъ, какъ капля въ океанѣ? Очевидно свободѣ человѣка здѣсь—смертный приговоръ. Такое безотрадное ученіе объ исчезновеніи личности человѣка и его свободы невозможно и сравнить съ подлиннымъ ученіемъ Христа.

И вотъ доказательства. „Кто любитъ Меня—говоритъ Христосъ,—тотъ возлюбленъ будетъ Отцемъ моимъ, и Я возлюблю его и явлюсь ему Самъ“. (Іоан. 14, 21).

„Кто любитъ Меня, тотъ соблюдаетъ слово Мое: и Отецъ Мой возлюбитъ его, и Мы придемъ къ нему и обитель у него сотворимъ“. (Іоан. 14, 23). Ясно изъ этого, что не личность человѣка исчезаетъ въ Богѣ, а только зло, ибо, напротивъ того, личность человѣка еще больше обогащается той абсолютной свободой, которая возможна только въ Богѣ, ибо душа человѣка, по словамъ

Христа, становится обителью Самого Бога. Вотъ гдѣ подлинный смыслъ жизни!

Правда, при этомъ возможны наивныя сомнѣнія и даже возраженія относительно реальности явленія Бога въ душѣ человѣка. И такія наивныя возраженія были высказаны, да еще съ глумленіемъ самимъ Л. Н., относительно таинства евхаристіи. Но, конечно, гдѣ глумленіе тамъ нѣтъ мѣста серьезной мысли, а между тѣмъ исчезновеніе личности и свободы человѣка въ пантеистическомъ сляніи съ толстовскимъ безличнымъ божествомъ едва-ли болѣе разумно, чѣмъ пришествіе личнаго Бога въ душу человѣка.

И хотя тамъ, гдѣ дѣйствуетъ всемогущество Бога, нѣтъ мѣста никакимъ математическимъ соображеніямъ, тѣмъ не менѣе, однако, можно представить одну изъ яркихъ аналогій для объясненія пришествія не раздѣляющагося Бога въ душу человѣка. Я, сію минуту, читаю свою лекцію, не разбиваю ее по числу слушающихъ меня головъ. Моя лекція одна и однакоже вмѣщается въ сотни головъ вся цѣликомъ. Она не раздѣлилась на сотни частицъ, она одна, едина и однако-же попала въ голову каждаго изъ моихъ слушателей. Солнце одно, и однако-же все цѣликомъ отражается въ миллиардахъ водяныхъ капель.

Конечно, это—аналогія не больше, но и она бросаетъ болѣе яркій свѣтъ на сохраненіе личности и свободы человѣка по ученію Христа, чѣмъ туманное ученіе Л. Н. объ исчезновеніи личности человѣка въ пантеистическомъ, безличномъ божествѣ.

Столь безотрадное ученіе едвали можетъ быть стимуломъ къ исполненію тѣхъ пяти заповѣдей, на которыхъ построена вся мораль Л. Н.

Своего Бога Л. Н. именуется любовью, но что это за любовь, поглощающая въ себя и уничтожающая личность и свободу человѣка.

И развѣ можно такую любовь сравнивать съ любовью

Христа, отдающаго себя каждому человѣку, ищущему единенія со Богомъ, счастья и свободы, блаженства и любви. Свобода!.. Какое чарующее слово!..

Безъ свободы немыслима сама разумная жизнь!.. И свобода, прежде всего тамъ, гдѣ царитъ полнота жизни, гдѣ счастье и радость, и любовь, и высшее благо. Свободы тамъ нѣтъ, гдѣ слышится дыханіе смерти, разложенія и всяческаго разрушенія. Свобода въ творчествѣ, въ созиданіи жизни, а не въ разрушеніи и тлѣніи. Человѣкъ, обреченный на болѣзнь, смерть и тлѣніе, лишень свободы. Истинно свободный человѣкъ всегда стремится къ совершенству, т.-е. къ полнотѣ жизни, къ счастью, къ непреходящей радости и къ безсмертію. И всего этого насъ лишаетъ философія Толстого, но зато съ избыткомъ даетъ философія Христа.

Л. Н. говоритъ, что человѣкъ долженъ забыть свою личность и любить ближняго больше себя, потому что въ этомъ ближнемъ и вмѣщается его пантеистическій богъ. Вѣдь это язычество, принимающее тварь за Творца!

Христосъ не говоритъ любить ближняго, какъ Бога, т.-е. больше себя. Больше ближняго надо любить Бога, а ближнихъ, какъ самого себя. Можно и жизнь отдать за ближнихъ, какъ это сдѣлалъ Самъ Христосъ, но во имя Бога, во имя, слѣдовательно, абсолютной свободы и любви, во имя сохраненія какъ своей личности, такъ и личности ближняго. Христианинъ увѣренъ, что, полагая во имя Христова свою жизнь за ближняго, онъ не теряетъ въ этомъ самопожертвованіи своей личности, а, напротивъ того, восполняетъ ее божественнымъ величіемъ, уподобляясь самому Богу по словамъ Христа: „Будьте совершенны, какъ Отецъ вашъ небесный“. Тутъ не только не теряется свобода, а, напротивъ того, пріобрѣтается—и пріобрѣтается безграничная, абсолютная свобода Божества!..

И только при такой свободѣ личность человѣка можетъ обладать высочайшимъ, безграничнымъ счастьемъ,

абсолютнымъ благомъ, истиной и красотой. И это потому, что онъ становится обителью самого Бога.

Вотъ гдѣ коренное различіе между ученіемъ Толстого и Ницше, съ одной стороны, и ученіемъ Христа—съ другой.

Ни Ницше, ни Толстой не даютъ никакой почвы для здороваго развитія личности человѣка, ибо одинъ возводитъ безъ всякихъ основаній слабую личность человѣка въ сверхчеловѣка съ мнимымъ величіемъ языческаго божества, а другой отвергаетъ совершенно всякую личность, уничтожая ее въ безднѣ тумана всебожія. Другими словами, и Ницше, и Толстой въ своихъ философамахъ возвращаются къ старому язычеству, почитавшему тварь за Творца, преходящее явленіе за само Божество.

Но съ такой философией немислимо строительство здоровой жизни души, немислимъ никакой ростъ и расцвѣтъ свободы и индивидуальныхъ качествъ личности человѣка.

И какъ безъ солнца, влаги и тепла немислимъ никакой ростъ растений, а тѣмъ болѣе ихъ пышный расцвѣтъ, такъ и безъ Высшаго духовнаго Солнца, безъ Того Свѣта міра, безъ Той Жизни и Истины, имя которымъ—Христось, немислимъ никакой ростъ и расцвѣтъ души и вообще личности человѣка.

И это понятно, ибо самая элементарная логика говоритъ, что изъ ничтожной причины немислимо огромное слѣдствіе, а вотъ и Ницше, и Толстой, нарушая эту логику, говорятъ, что человѣкъ безъ всякихъ высшихъ потенцій, самъ собою, можетъ стать богомъ.

Л. Н. Толстой понимаетъ христіанство лишь только какъ мораль изъ пяти заповѣдей нагорной проповѣди, но это невѣрно ни исторически, ни этически, ни въ философскомъ смыслѣ, потому что христіанство есть Богочеловѣкъ Христось, въ которомъ и вмѣщается вся мораль христіанская.

Христіанство есть явленіе Бога во плоти на землѣ.

Оно также есть явленіе идеальнѣйшаго Человѣка на землѣ, котораго считали геніемъ религіи, никѣмъ еще не превзойденнымъ, даже такіе рационалисты, какъ Штраусъ или Ренанъ, отвергающіе, подобно Толстому, Божественность Христа и не признающіе его Богомъ.

Евангеліе ослѣпительно ясно говоритъ, что Христось не только учитель морали, но и главнѣйшая цѣль и предметъ этой религіи. Онъ самъ является центромъ своей религіи Любви, ибо Онъ Самъ есть Любовь. Ни Конфуцій, ни Будда, ни Магометъ не считали себя предметомъ своей религіи, а только учителями, пророками своихъ религій.

Христось же, уча о высшемъ порядкѣ жизни, о святости и любви, указываетъ на Себя, какъ на источникъ жизни, истины, блага и красоты. Онъ говоритъ: „Я—воскресеніе и Жизнь. Прежде, нежели Авраамъ былъ—Я есмь. Я и Отець—одно. Я—судья міру. Если не будете ѣсть тѣла Моего и пить крови Моей, не можете имѣть вѣчной жизни“—и, наконецъ: „Я всегда съ вами до скончанія вѣка“ и т. д.

Въ устахъ обыкновеннаго, смертнаго человѣка такіа слова свидѣтельствовали-бы только о безуміи человѣка, о психическомъ заболѣваніи, но въ устахъ Христа они являются безусловной истиной, ибо оправданы и жизнью Его, и исторіей, наконецъ, какъ наукой.

Центральное ядро христіанства не есть только мораль, но колоссальный фактъ воскресенія Христа, который является не только предметомъ одной вѣры, но и знанія. Я говорю—знанія, и не только философскаго, но и научнаго, какъ позитивный фактъ.

Въ самомъ дѣлѣ, съ философской стороны этотъ фактъ обезпечивается разумомъ человѣка, его логикой, невидящей смысла жизни, въ гибели человѣческой личности, въ ея тлѣніи, и требующей не только безсмертія, но и воскресенія.

Съ научной же, позитивной, исторической точки зрѣ-

нія, этотъ фактъ обезпеченъ всей исторіей христіанства и его необычайной силой.

Подумайте только, сколько было употреблено усилій со стороны отрицательной критики, чтобы превратить въ мнѳ фактъ воскресенія Христа, чтобы объяснить убѣжденіе первой христіанской церкви въ реальности факта воскресенія иллюзіями и галлюцинаціями, и, однако-же, всѣ эти усилія передъ ослѣпительной подлинностью факта оказались тщетными. Послѣдняя позиція раціонализма въ лицѣ Штрауса и Ренана, укрѣпленная гипотезой галлюцинацій и визионерства, оказалась почти безъ боя взятой безпристрастнымъ историческимъ и психіатрическимъ изслѣдованіемъ историческихъ матеріаловъ о фактѣ воскресенія Христа.

Въ самомъ дѣлѣ, ни одинъ психіатръ не можетъ, не сойдя съ ума, допустить, что зрительная галлюцинація можетъ преломлять хлѣбъ, въ присутствіи большого общества ѣсть пищу, наконецъ—проповѣдывать новое, совершенно неслыханное ученіе о Троичномъ существѣ Бога, о таинствахъ, о церкви и т. п. Психіатрамъ извѣстно, что страдающіе галлюцинаціями—суть душевно больные. А первымъ признакомъ всякой душевной болѣзни есть упадокъ нравственности, ослабленіе любви къ ближнему; но вѣдь первые христіане только тѣмъ и отличались отъ язычниковъ, что проявляли необыкновенную любовь къ людямъ и больше всего ко Христу, за котораго они шли спокойно, безъ всякаго фанатизма на всякія казни. Какимъ яснымъ, громаднымъ умомъ и какой безграничной высокой нравственностью отличались первые христіане—объ этомъ свидѣлствуютъ безпристрастно даже враги христіанства. И по сіе время еще только христіанство даетъ такихъ героевъ, такихъ богатырей и аристократовъ духа, которыми міръ красится и даже живетъ.

Только христіанство даритъ міръ необыкновенной высшей нравственной красотой.

Только въ истинномъ христіанствѣ, а не ложномъ, немисливо проявленіе никакого фанатизма, а тѣмъ болѣе того, который отстаиваетъ себя съ оружіемъ въ рукахъ, проливая кровь человѣческую, какъ это мы видимъ въ мусульманскомъ фанатизмѣ, или въ фанатизмѣ политической, экономической и соціальной борьбы.

Чарующій свѣтъ жизни и любви Христовой, заливая собою міръ, возрождаетъ его до недосягаемыхъ высотъ всяческаго совершенства. И силы этой любви коренятся въ кардинальныхъ ея элементахъ: кротости, смиреніи и терпѣніи. Вотъ почему такая любовь безъ всякаго оружія побѣдила и грозные римскіе легіоны, и троны императоровъ.

И ей только дано преобразовывать міръ въ лучшую форму жизни, потому что источникомъ и силой этой любви является Сама абсолютная Любовь, увѣнчанная не золотой короной римскихъ императоровъ, а терновымъ вѣнцомъ и каплями крови на святомъ и кроткомъ Лицѣ.

Враги христіанства говорятъ, что оно яко-бы не въ силахъ прекратить страданія людей, ибо страданія пролетаріата въ христіанскихъ государствахъ служатъ тому доказательствомъ.

Но забываютъ то, что самъ пролетаріатъ есть результатъ не истиннаго христіанства, а ложнаго, въ которомъ именно нѣтъ любви Христовой.

Забываютъ то, что самъ Христосъ былъ пролетаріемъ, не имѣвшимъ гдѣ главы преклонить, и, однако-же, Онъ страданіями своими вплоть до Голгофы и безграничной любовью, а не насиліемъ и экспропріаціями облагодѣлствовала и обновила міръ.

И если-бы всѣ люди приняли Христа въ свое сердце, отозвались на Его безграничную любовь свободнымъ и горячимъ порывомъ любви, то тѣмъ самымъ въ самомъ корнѣ соціальный вопросъ былъ-бы рѣшенъ легко и просто.

Безъ всякихъ страданій и мукъ, безъ кровопролитій

и экспроприаций, капиталъ и трудъ заключили-бы союзъ любви на томъ пути, который указанъ Учителемъ, призваннымъ къ Себѣ всѣхъ труждающихся и обремененныхъ, всѣхъ страдальцевъ и сказавшимъ, что Онъ Самъ есть Путь, Истина и Жизнь.

И не тотъ социализмъ разрѣшитъ загадку нынѣшнихъ мукъ жизни пролетаріата, который мечтаетъ о борьбѣ капитала съ трудомъ, объ экспроприацияхъ, а тотъ христіанскій коллективизмъ, который можетъ объединить людей одной только любовью святой во Христа.

Еще Герценъ потуплялъ въ раздумьѣ очи, указывая на тѣ монастыри, въ которыхъ онъ видѣлъ осуществленіе даже будто-бы социализма, гдѣ духовная свобода не разъединяла людей, а соединяла силою любви во-едино, господствуя надъ мѣщанскими интересами одной материальной сытости.

И если-бы диктатура пролетаріата осуществила социализмъ, то онъ не уничтожилъ-бы того зла страстей людскихъ, которыя при сытости и матеріальномъ довольствѣ еще бурнѣе и коварнѣе проявляютъ себя среди людей, какъ это показываетъ безпрестанный опытъ жизни... И это потому, что никакая виѣшняя сила не можетъ внѣдрить въ сердца людей добра и любви, а лишь свободная внутренняя сила любви Христовой.

Какъ безсиленъ человѣкъ самъ перевоспитать себя, создать изъ себя нравственную силу, видно изъ того, что даже образцовое школьное образование, но безъ надлежащаго религіознаго воспитанія, не въ состояніи создать здоровой, съ пышнымъ расцвѣтомъ, цѣльной души.

И, напротивъ того, даже нравственно испорченный человѣкъ, если только онъ искренно, съ любовью принимаетъ въ сердце свое Христа, сразу перерождается, сразу вырастаетъ въ гиганта необычайной нравственной красоты. И въ этомъ процессѣ перерожденія души человѣка ровно ничего не значатъ ни ученость, ни обширное образование, ни богатство, ни бѣдность.

Исторія безпристрастно свидѣтельствуетъ, что изъ людей испорченныхъ, уже взрослыхъ, окрѣпшихъ въ порокахъ, погрязшихъ въ чувственность, падшихъ ниже уровня животныхъ, изъ разбойниковъ, изъ подонковъ нравственной грязи, изъ нищеты, а равно и изъ роскоши и колоссальныхъ богатствъ одинаково вырастали люди необычайныхъ размѣровъ по своему нравственному величію и изумительной красотѣ, если только ихъ сердцемъ всецѣло овладѣлъ дивный образъ Христа.

Бѣдные, необразованные галилейскіе рыбаки всецѣло преобразились подъ могучимъ влияніемъ своего Божественнаго Учителя въ геніевъ религіи Любви, преобразившей міръ.

Ученый, надменный, гордый фарисей Савль мгновенно перерождается въ кроткаго, смиреннаго и любвеобильнаго Павла.

Вѣдь это ему принадлежитъ столь дивной красоты гимнъ любви: „Если я говорю языками человѣческимъ и ангельскими, а любви не имѣю, то я мѣдъ звенящая или кимвалъ звучащій. Если я имѣю даръ пророчества и знаю все тайны и имѣю всякое познаніе и всю вѣру, такъ, что могу и горы переставлять, а не имѣю любви,— то я ничто. И если я раздамъ все имѣніе мое и отдамъ тѣло мое на сожженіе, а любви не имѣю, нѣтъ мнѣ въ томъ никакой пользы. Любовь долго терпитъ, милосердствуетъ, любовь не завидуетъ, любовь не превозносится, не гордится, не безчинствуетъ, не ищетъ своего, не раздражается, не мыслитъ зла, не радуется неправдѣ, а сорадуется истинѣ, все покрываетъ, всему вѣритъ, всего надѣется, все переноситъ. Любовь никогда не перестаетъ, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнутъ, и знаніе упразднится“.

И все это до мельчайшихъ подробностей Павелъ осуществилъ живымъ дѣломъ своего несравненнаго великаго миссіонерства.

И на плечахъ этого хилаго человѣка выросло пышное дерево христіанской міровой цивилизаціи.

А что такое представляли изъ себя Марія Египетская или блаженный Августинъ до того свѣтлаго момента, когда всѣмъ ихъ существомъ всецѣло овладѣлъ Христосъ, это извѣстно всякому.

Въ самомъ дѣлѣ, та глубина нравственнаго паденія, разврата и всевозможнаго разгула, въ который они погрузились до принятія Христа въ свое сердце, еще ярче выступаетъ при сравненіи этихъ колоссальныхъ фигуръ въ ихъ нравственномъ ростѣ, въ этой красотѣ необычайной подѣ нѣжными лучами свѣта любви Христовой. Кажется, что съ подонковъ разврата и всяческаго зла выросли какіе-то новые, преображенные, вновь рожденные люди для лучшей жизни высшаго порядка и ослѣпительной нравственной красоты.

Ясно изъ этого, что никакое просвѣщеніе, никакое научное образованіе безъ истинно христіанскаго воспитанія сердца и воли не можетъ создать человѣка, подобнаго Евангельскому „Сыну человѣческому“, къ воплощенію идеи Котораго должно стремиться всѣми силами души всякое нравственное существо.

И какъ жаль, что мы, взрослые, такъ апатично относимся къ святому дѣлу христіанскаго воспитанія нашихъ дѣтей.

Вѣдь этимъ мы сами создали всѣ тѣ ужасы конфликтовъ между отцами и дѣтьми, которыми такъ богата современная безотрадная дѣйствительность.

Страшно подумать о томъ будущемъ, которое мы приготовили нашимъ дѣтямъ, когда жизнь неумолимо сдѣлаетъ учетъ всѣмъ нашимъ великимъ прегрѣшеніямъ и призоветъ насъ жалкихъ, ничтожныхъ и безответныхъ на свой строгій, нелицепріятный судъ.

Наши русскіе святые праведники и подвижники, являя въ себѣ силу христіанства, уже дѣлаются предметомъ научнаго изслѣдованія по методамъ положительной науки

въ области медицины и специально такой дисциплины знаний, какъ психіатрія. Извѣстный европейскій ученый, нашъ психіатръ, профессоръ дерптскаго университета, Чижъ, неоднократно читавшій свои интересныя лекціи съ этой-же кафедры, недавно опубликовалъ очень интересное изслѣдованіе; подѣ заглавіемъ: „Психологія нашихъ праведниковъ“. Въ этой его работѣ мы, между прочимъ, читаемъ:

„Наши праведники такъ прекрасны, такъ величественны, что не нуждаются въ защитѣ суевѣровъ. Подвигъ ихъ жизни такъ великъ, что научное изслѣдованіе ихъ дѣйствительно чудесной жизни лишь возвеличиваетъ ихъ нравственную красоту...“

Изученіе психологіи нашихъ праведниковъ вполне объясняетъ намъ преклоненіе нашего народа передъ истинною духовною знатью“.

Вотъ тотъ аристократизмъ духа, передъ которымъ такъ преклоняется психіатръ современной науки.

Пора поэтому проснуться отъ сна!.. Пора пойти навстрѣчу къ свѣтозарному Добру, къ созиданію, къ творчеству, къ построенію настоящей здоровой жизни!..

Строители жизни, страна васъ ждетъ!..

Пойдемъ-же, юные мои друзья, вслѣдъ за великими борцами истинной свободы, за великими учителями жизни, за геніями науки и религіи, за тѣми свѣтозарными идеалами жизни высшаго порядка, къ которымъ призываетъ васъ со своей Голговы наша вся окровавленная изстрадавшаяся родина!.. Пожалѣйте ее!.. Облегчите ее крестъ!.. Она ваша мать!.. Довольно ей страданій, довольно тяжкихъ, безотрадныхъ испытаній!..

Пусть лучше ясная, радостная улыбка озаритъ ее прекрасное лицо, когда она встанетъ изъ праха для новой жизни вся ликующая, вся счастливая, могущественная юная, полная жизни и чарующей красоты!..

Разложеніе въ рядахъ молодежи. Современные отцы и дѣти. Терпѣніе и мѣщанство. Материнство, свобода и творчество жизни. „Всемирный студенческой христіанскій союзъ“—40 странъ и 2,000 университетовъ. Петербургскіе христіанскіе кружки студентовъ и куріеиство. Къ свѣту!

Чарующая красота юности всегда какъ-то дѣйствуетъ неотразимо на душу, всегда какъ-то окрыляетъ воображеніе, и чудится, будто тамъ, гдѣ молодость и свѣжесть силы, тамъ и добро, тамъ и нравственная красота...

При одномъ словѣ „молодежь“—какъ-то радостно представляешь себѣ молодую силу и мощь и, именно, во свѣтѣ добра, проявляющую всю свою прелесть и все свое творчество въ созиданіи настоящей, здоровой жизни и свободы, той нравственной свободы, которая превъше всякой иной свободы, которая сильна укротить всяческое зло, всякую страсть и порокъ...

И вотъ, всматриваясь въ жизнь нашего студенчества обоего пола, хочется, чтобы сила и всяческая красота какъ физическая, такъ и нравственная, всегда ласкали бы пристальный взоръ критика.

Да такъ хочется, да боли сердечной хочется!..

Но на самомъ дѣлѣ жизнь коварно несетъ разочарованіе всѣмъ этимъ хорошимъ пожеланіямъ...

Раскройте, м. м. г. г. книги Гегидзе, Гарина, Энгельгардта, Потапенко, Андреева, Горькаго и т. д. Тамъ всюду рисуется страшно мрачными красками жизнь нашей современной молодежи. Безъ сердечной боли эти произведенія читать невозможно!.. Немыслимо быть хладнокровнымъ, когда видишь, какъ сила молодая, цвѣтущая, прекрасная разбивается на жалкую мелочь, и тонетъ безъ жалости и содроганія совѣсти въ разныхъ „Безднахъ“ и „Туманахъ“!

Студенты книги Гегидзе и Гарина проводятъ время въ ночныхъ кутежахъ, въ оргіяхъ, въ посѣщеніи разныхъ

буффовъ и танцевальныхъ притоновъ, гдѣ главное—пьянство, обнаженное жепское тѣло и канканъ, въ которомъ они не только принимаютъ дѣятельное участіе, но даже становятся виртуозами. Такъ какъ это продѣлывается по почамъ, а днемъ пріятели спать и не видятъ дневного свѣта, то подъ конецъ даже начинаютъ сомнѣваться, существуетъ-ли онъ...

— А, можетъ быть, его нѣтъ,—говоритъ одинъ — А не все-ли равно,—отвѣчаетъ другой.

Люди забыли о дневномъ свѣтѣ, потому что ихъ солнце—люстры „Альказара“ и лампочки отдѣльныхъ номеровъ!..

Это болѣе темно, чѣмъ грезится Гегидзе!

Я не буду говорить о подобныхъ же, или еще болѣе ужасныхъ типахъ другихъ авторовъ. На грязь можно только указать, но не топтаться въ ней, дабы не выпачкаться самому и не обдать этой грязью другихъ, особенно малыхъ сихъ...

И, разумѣется, во всѣхъ этихъ ужасахъ, во всѣхъ этихъ забвеніяхъ человѣческаго достоинства виновата не только молодежь, но и воспитатели и родители этой больной и грѣховной молодежи.

Родители такихъ дѣтей только оскверняютъ святость и достоинство брака, никогда не думая о томъ, что бракъ есть великое таинство, что онъ долженъ создать новаго человѣка, сильнаго въ будущемъ творить „жизнь“. А потому, когда этотъ человѣкъ явился въ міръ, мать часто не хочетъ ему даже дать своего молока. Очень часто поворожденнаго отдаютъ чужому человѣку для кормленія и воспитанія.

Потомъ, когда сталъ вырастать человѣкъ, имъ любовались нѣкоторое время, какъ красивой игрушкой, выводили его на показъ, а о душѣ, о ея человѣческомъ достоинствѣ и безконечной цѣнности они и не думали...

Они думали не о созиданіи живой души, объ истинномъ человѣкѣ, не о работникѣ, не о творцѣ жизни и борцѣ

за великія человѣческія права и не менѣе великія обязанности настоящаго сильнаго человѣка... Они мечтали не объ этомъ, а о томъ, чтобы „вывести въ люди“, т.-е. создать ловкаго жонглера для великой арены борьбы за роскошь, за такое гнусное существованіе, которое безъ труда давало бы возможность слѣлать блестящую карьеру или пристроиться къ сладкому пирожку жизни. Нашъ вѣкъ лести и лицемѣрія, вѣкъ карьеризма у „тетушкинаго хвоста“, у лицъ власть имущихъ, вѣкъ гнусныхъ пресмыкательствъ и протекцій, вѣкъ несправедливыхъ повышеній бездарностей, разумѣется, есть лучшая иллюстрація современнаго воспитанія дѣтей.

Недаромъ еще Герценъ на челѣ блестящей европейской цивилизаціи прочелъ выжженную надпись, ея „мене“, „текель“, и эта надпись: мѣщанство! Мѣщанство Герценъ считалъ свойствомъ не одного только класса предпринимателей, но болѣзнью всего европейскаго общества, состоящей въ оскуденіи идеаловъ, въ исключительномъ подчиненіи низменнымъ эгоистическимъ интересамъ. „Вся нравственность свелась на то, что неимущій долженъ всѣми средствами приобрѣтать, а имущій хранить и увеличивать свою собственность. Флагъ, который поднимаютъ на рынкѣ для открытія торговаго, сталъ хоругвью новаго общества. Человѣкъ *de facto* сдѣлался принадлежностью собственности. Жизнь свелась на постоянную борьбу изъ за денегъ“. (Булгаковъ). Деньги — идолъ нашего времени, его религія!

Но съ такой ужасной религіей скоро угаснетъ жизнь духа, жизнь высшаго порядка.

Для воспитанія сильныхъ людей, людей твердой воли, свѣтлаго ума и могучаго чувства любви необходима истинная религія любви.

Вѣдь у дѣтей уже съ ранняго возраста являются великіе запросы жизни и порывы ко всему возвышенному, прекрасному, идеальному и религіозному.

„Не говорите дѣтямъ, что такое Богъ,—пишетъ ге-

піальный Бѣлинскій,—они не поймутъ конечныхъ опредѣленныхъ отвлеченій безконечнаго существа, но заставьте дѣтей любить Его, этого Бога, который является имъ и въ ясной лазури неба, и въ ослѣпительномъ блескѣ солнца, и въ торжественномъ великолѣпнн возстающаго дня, и въ грустномъ величии наступающей ночи, и въ ревѣ бури, и въ раскатахъ грома, и въ цвѣтахъ радуги, и въ зелени лѣсовъ, и въ ароматѣ цвѣтовъ, и во всемъ, что есть въ природѣ живого, сильнаго, нѣжнаго и прекраснаго и, вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ краснорѣчиво говорящаго душѣ юной и свѣжей“, говорящаго о Богѣ великомъ, о смыслѣ жизни и о неоскудѣвающей никогда любви.

Да, только путемъ разума воспитанія характера и чувства ребенка вы мало по малу приведете его къ высшимъ идеаламъ истины, красоты и блага, къ воплощенному великому идеалу любви. И тутъ, у ногъ Христа, онъ найдетъ самый яркій и ясный отвѣтъ на всѣ вопросы жизни, на которые безсильны дать отвѣтъ не только философія, но и наука...

Но какъ мало истинныхъ воспитательницъ нашихъ дѣтей въ этотъ злополучный вѣкъ. Какъ мало матерей, истинныхъ строительницъ человѣческаго прогресса! Созиданіе души человѣка, строительство его характера и сердца, современная мать часто поручаетъ мамкѣ, нянькѣ, боннѣ, а всю свою энергію вкладываетъ либо въ прелесть флирта и подобныхъ ему соблазновъ, либо въ работу наемницъ, рабынь роскоши и комфорта. Ища равноправія и свободы, она взамѣнъ ихъ получаетъ мнимое равноправіе, лишая себя права вкладывать душу живую, созидать нравственное „я“ своихъ дѣтей, воспитывать человѣка... Какое же право выше этого священнаго права материнства?!

Вѣдь материнство есть величайшее дѣло творчества и свободы человѣческаго духа... И кто вычеркиваетъ семью и материнство изъ жизни человѣка, тотъ лишаетъ міръ

величайшей силы всяческаго прогресса, созиданія жизни и свободы и обрекаетъ человѣчество на гнусное рабство и пресмыкательство передъ мишурой мнимой свободы распутства и растлѣнія... А здѣсь уже не жизнь, а гибель не только гибель всего нравственнаго строя соціальной жизни, но и физическаго, ибо вырожденіе и вымираніе націй есть прямое слѣдствіе недостаточной охраны материнства.

И, прежде всего, безъ материнства немислимо нравственное и религіозное воспитаніе дѣтей.

Одинъ педагогъ говоритъ: „Ребенокъ чувствуетъ духовеніе вышаго духа, живущаго въ родителяхъ, и отсюда возникаетъ у него чувство благоговѣнія. Изъ этого чувства вырастаетъ уваженіе къ человѣческимъ и божескимъ законамъ. Благоговѣніе къ родителямъ является зачаткомъ религіознаго благоговѣнія“.

Но какъ мало среди нашей молодежи этого религіознаго благоговѣнія.

И это несмотря на ту страшную тоску по Божьей жизни, которою такъ страдаетъ часто наша молодежь...

Но нѣтъ ли средствъ помочь этому горю?.. Есть, м. м. г. г., есть!..

Такія средства, и притомъ могучія средства суть религіозные или религіозно-этические союзы университетской молодежи, которые въ настоящее время существуютъ во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ міра.

Впервые эти союзы возникли въ Англии и Америкѣ въ 60 годахъ и имѣли чисто миссіонерскія задачи. Въ настоящее время эти союзы имѣютъ свою цѣль главнымъ образомъ христіанизацію студенчества всего міра, почему и сплотились во всемірный студенческой христіанскій союзъ, обнимающій собою почти 2,000 университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній съ числомъ членовъ болѣе 105,000 студентовъ и профессоровъ.

Въ Америкѣ членами христіанскаго студенческаго

союза состоитъ почти цѣлая половина всего американскаго студенчества. Въ Англии членами этого союза состоитъ болѣе 4,000 студентовъ 56 мужскихъ и столькихъ же женскихъ высшихъ учебныхъ заведеній. Въ Германіи имѣются студенческіе библейскіе кружки въ 15 университетахъ и 7 политехническихъ институтахъ. Съ 1895 года организованы студенческіе христіанскіе союзы въ Дании, Норвегии и Швеции, а затѣмъ и въ нашей Финляндіи, а именно въ 1897 году сначала среди студентокъ, а въ 1899 г. и среди студентовъ. Съ 1900 года появились христіанскіе студенческіе союзы въ Голландіи, Франціи и Швейцаріи. Христіанскій студенческой союзъ въ настоящее время появился даже въ Японіи, обнимая между собою 58 мѣстныхъ союзовъ съ 1,255 членами.

Въ Австраліи и Новой Зеландіи существуетъ 51 студенческой союзъ, въ которые входитъ болѣе четверти всего тамошняго студенчества.

Цѣль всемірнаго христіанскаго студенческаго союза заключается: 1) въ объединеніи христіанскаго студенчества и облегченіи сношеній между отдѣльными членами его; 2) въ содѣйствіи тому, „чтобы студенты становились учениками Христа, признавая Его своимъ Богомъ и единственнымъ своимъ Спасителемъ, чтобы они возростали и развивались въ своей духовной жизни и сотрудничали въ распространеніи Царствія Христа по всему міру“.

Главное руководство всемірнымъ союзомъ сосредоточено въ рукахъ генеральнаго комитета, въ составъ котораго входятъ по два делегата отъ каждой страны, собирающіеся въ два года разъ на созываемой для этой цѣли конференціи. Текущія дѣла вѣдаются правленіемъ, исполнительнымъ органомъ котораго является генеральный секретарь въ Нью-Йоркѣ. Составъ правленія въ настоящее время слѣдующій: предсѣдатель, докторъ Carl Fries (шведъ), вице-предсѣдатель Voitsu Honda (японецъ), казначей Arthur W. Davies (англичанинъ), генеральный секретарь — John R. Mott (американецъ). Особый отдѣлъ

при генеральномъ комитетѣ вѣдаетъ дѣла женскихъ студенческихъ союзовъ, и при немъ состоитъ генеральный секретарь miss Ruth Rouse (англичанка).

Вступая въ составъ всемірнаго союза, союзъ отдѣльной страны не отказывается отъ своей національной, или церковной самобытности.

Такимъ образомъ, всемірный союзъ является и международнымъ, и междуцерковнымъ неконфессіональнымъ церковнымъ союзомъ на федеративныхъ началахъ.

Въ тѣсной связи съ всемірнымъ христіанскимъ союзомъ находятся: 1) союзъ студентовъ добровольцевъ миссіонеровъ, основанный въ 1886 году и давшій уже для языческихъ странъ 3,500 миссіонеровъ изъ студенческой среды, и 2) организованная христіанская дѣятельность среди воспитанниковъ среднихъ учебныхъ заведеній мужскихъ и женскихъ. Эта дѣятельность ведется въ значительной степени самими студентами и, конечно, должна имѣть огромное значеніе для поддержанія живой вѣры во Христа среди гимназистовъ и гимназистокъ.

Значеніе студенческаго движенія въ созиданіи всемірнаго христіанскаго союза имѣетъ и великое значеніе даже для церкви. Въ самомъ дѣлѣ, въ теченіе, напр., 25 лѣтъ изъ среды американскихъ студентовъ 6,000 человекъ посвятили себя по внутреннему убѣжденію и призванію духовному званію.

Немаловажно значеніе всемірнаго союза и въ смыслѣ международномъ. Онъ фактически сближаетъ между собою интеллигенцію самыхъ различныхъ странъ лучше всякихъ дипломатическихъ сношеній, устраняетъ предрасудки, расширяетъ симпатіи, нисколько не затрагивая самобытности и свободы культурнаго развитія отдѣльныхъ націй.

Фактъ, что болѣе 105,000 студентовъ изъ 40 различныхъ народовъ участвуютъ въ союзѣ, самъ говоритъ за себя.

Въ особенности благотворно и цѣнно вліяніе христіан-

скаго студенческаго движенія на отдѣльныхъ лицъ въ студенческой средѣ.

Христіанскій союзъ поддерживаетъ ихъ въ нравственной борьбѣ въ самый критическій періодъ ихъ жизни, знакомитъ ихъ основательно съ Библіей и приучаетъ къ самостоятельной практической христіанской дѣятельности, вырабатывая такимъ образомъ изъ нихъ типъ мужественнаго, предприимчиваго, интеллигентнаго христіанскаго дѣятеля въ обществѣ.

Наконецъ, всемірное христіанское студенческое движеніе является могущественною апологіею христіанства, доказывая всему міру, что оно не утратило своей силы среди самаго культурнаго класса современнаго общества, и что десятки тысячъ студентовъ и профессоровъ по всему лицу земли и въ наше матеріалистическое время вѣруютъ во Христа, какъ Бога и Спасителя міра.

Вотъ почему на послѣдней всемірной конференціи союза американецъ John R. Mott съ огромнымъ убѣжденіемъ сказалъ, что „отъ Христа мы получаемъ нашу жизнь и нашу силу. И мы хорошо сдѣлаемъ, если вспомнимъ урокъ, который даетъ намъ исторія, что каждая христіанская организація, переставшая хранить живую связь съ Нимъ, вскорѣ погружается въ формализмъ и мертвечину. И если всемірный союзъ и его дѣло останутся въ связи съ Нимъ, то онъ устоитъ, ибо Христосъ и вчера, и сегодня, и во вѣки Тотъ-же“.

Все это, конечно, правда, но къ величайшему сожалѣнію наше родное русское студенчество пока еще плетется позади всѣхъ цивилизованныхъ націй въ дѣлѣ организаціи христіанскихъ союзовъ.

Правда, въ Петербургѣ пока еще влачитъ свое существованіе нѣсколько лѣтъ организованный кружокъ вѣрующихъ студентовъ, но онъ очень еще малъ, хотя и воодушевленъ живой вѣрой во Христа. Вотъ что мы читаемъ въ одномъ изъ рефератовъ этого кружка: „Такъ какъ мы по опыту знаемъ, что даетъ человѣку вѣра и

сколько нужды въ этой вѣрѣ живой вокругъ насъ, то мы считаемъ своимъ священнымъ долгомъ способствовать ея распространенію въ окружающей средѣ и, прежде всего, среди нашихъ товарищей-студентовъ. Поэтому первымъ принципомъ нашей дѣятельности долженъ быть активный, наступательный образъ дѣйствій по отношенію къ невѣрующимъ нашимъ товарищамъ. Каждый христіанинъ долженъ быть миссіонеромъ“.

И между петербургскихъ курсистокъ также образовался христіанскій кружокъ. Вотъ что мы читаемъ въ отчетѣ объ этомъ кружкѣ: „Нашъ петербургскій христіанскій кружокъ курсистокъ существуетъ третій годъ. Отношеніе наше къ Богу, вопросъ столь неопредѣленный и неразрѣшенный для большинства людей, вопросъ этотъ на основаніи Евангелія сталъ обсуждаться и разъясняться въ кругу товарищей. Христосъ бывший странникомъ и незнакомцемъ для курсистокъ, находитъ себѣ пристанище въ ихъ душахъ, дѣлается ихъ свѣтлымъ гостемъ“.

Конечно, этому надо радоваться.

Вѣдь наше время есть время феминизма, когда кричатъ: „шире дорогу женщинѣ“, но въ то-же время забываютъ, что именно христіанство впервые вывело женщину на просторъ свободы и истинной ея эмансипаціи. Это первая христіанская женская душа воскликнула: „Отнынѣ ублажать Меня всѣ роды, потому что это величіе сотворилъ мнѣ Сильный и свято Имя Его“!

Поэтому, если христіанство такъ высоко поставило женщину и первую христіанку поставило превыше всѣхъ святыхъ, превыше херувимовъ и серафимовъ, если оно вывело женщину изъ позорнаго рабства къ свободѣ, изъ гарема въ семью и сдѣлало даже въ лицѣ діакониссъ сотрудницами и друзьями самихъ апостоловъ Христовыхъ, то намъ кажется, что и современная женская душа въ лицѣ нашей женской учащейся молодежи, повидимому, должна бы принять самое горячее участіе въ христіанскихъ студенческихъ союзахъ, и это тѣмъ болѣе, что въ

другихъ цивилизованныхъ націяхъ въ студенческихъ христіанскихъ союзахъ уже принимаютъ участіе 40,000 студентокъ. Въ особенности въ этомъ отношеніи опередила всѣ страны великая страна свободы и культурнаго прогресса—С.-Ам. Соединенные Штаты.

Ясно, что у женщины для христіанской дѣятельности въ упомянутыхъ союзахъ имѣется очень много шансовъ, начиная съ той стихіи женской природы, которая имѣется женственностью, чуткимъ сердцемъ и глубокимъ нѣжнымъ чувствомъ.

Припомните, что у Голго夫скаго Креста Христосъ въ самый трагическій моментъ Своей жизни былъ оставленъ всѣми мужчинами, Своими учениками, за исключеніемъ одного только наперстника Своего евангелиста Іоанна, но за то женщины не покинули Его до послѣдняго вздоха.

Насколько русская ученая женщина можетъ при всей учености остаться искренней христіанкой, можетъ служить доказательствомъ знаменитая русская ученая, естествоиспытатель и медикъ г-жа Манассеина. Она была искренно вѣрующей женщиной, придававшей особое значеніе молитвѣ и покаянію.

Мало того, я никогда не забуду, съ какою жадностью, съ какимъ огненнымъ рвеніемъ наши русскія студентки всегда переполняли до духоты, до невозможности дышать огромную аудиторію нашего гениальнаго философа-христіанина и аскета Владиміра Соловьева.

Я не забуду, какъ его лекціи съ особеннымъ жаромъ не только перечитывались и изучались, но даже сплошь и рядомъ заучивались наизусть, словно стихотворенія... Такъ была плѣнительна рѣчь Соловьева, такъ увлекательна музыка его слова, красота его стиля и могучая, несокрушимая, живая вѣра его во Христа! И эта вѣра какъ бы переливалась въ сердца даже бывшихъ атеистокъ, его слушательницъ...

О, если бы современная курсистка поняла, насколько

культурная христіанская миссія женской души огромна и какую могучую силу въ дѣлѣ оздоровленія семьи и государства она можетъ проявить во всемъ блескѣ и красотѣ христіанской жизни.

Она убѣдилась-бы тогда, что въ этой ея культурной миссии материнскій инстинктъ, которымъ дышитъ всякая даже дѣвушка, составляетъ самое лучшее украшеніе женственности, ея величіе и ту страшную силу, передъ которой левъ становится ягненокъ, людская злоба цѣпенѣетъ, и всякое зло таетъ, какъ ледъ подъ горячими лучами солнца.

И если въ области воспитанія дѣтской души женщинѣ надлежитъ какъ можно шире открыть дорогу для великаго дѣла творчества всѣхъ истинныхъ цѣнностей человѣческой жизни, то, безъ сомнѣнія, участіе женской души въ студенческихъ христіанскихъ союзахъ дастъ имъ тотъ импульсъ и то тепло, отъ которыхъ ростъ и жизнь этихъ союзовъ значительно расширятся.

И въ особенности женское вліяніе важно въ этихъ союзахъ для осуществленія на живой практикѣ христіанскихъ принциповъ.

Вѣдь христіанство не есть какая-либо философская или научная доктрина. Оно превышаетъ ихъ, ибо, заключая въ себѣ и то и другое, оно есть тѣмъ не менѣе колоссальный позитивный фактъ и, главное, нравственный процессъ нашего „я“, жизнь высшаго порядка, полная безграничныхъ радостей и счастья...

Изучать христіанство можно въ исторіи, философій, въ догматикѣ, но не этимъ всецѣло оно познается, а именно, практикой христіанской жизни, экспериментами и опытами гораздо болѣе сильными и убѣдительными, чѣмъ любой экспериментъ, или опытъ научный, позитивнаго характера.

Недаромъ же мы видимъ среди самыхъ гениевъ положительной науки, въ средѣ естествоиспытателей и врачей немало глубоковѣрующихъ христіанъ.

Кто не знаетъ великаго французскаго естествоиспытателя Пастера, который одними только своими открытиями въ области бактеріологіи перевернулъ всю медицину и подарилъ міру не только миллиарды денегъ, но и жизней человѣческихъ, животныхъ и даже растений, спасая ихъ отъ бѣшенства, сибирской язвы, чумы, дифтерита. Уже одна побѣда надъ филлоксерой и пастеризація виноградныхъ винъ—всѣ эти результаты его гениальной научной работы дали Франціи гораздо больше миллиардовъ, чѣмъ вся та огромная контрибуція, какую она должна была заплатить нѣмцамъ послѣ несчастной войны.

И вотъ этотъ великій естествоиспытатель, какъ и наши Пироговъ, Боткинъ, Богдановъ, былъ глубоко вѣрующимъ христіаниномъ...

И сколько-бы ни силилось людское легкомысліе отодвинуть „съ Востока свѣтъ“ Христовъ въ міоологическія дали Вавилона,—всѣ эти жалкія попытки останутся безсильными передъ истиннымъ Свѣтомъ Христовымъ, озаряющимъ нашу жалкую жизнь и вводящимъ насъ въ ту форму вѣчной жизни, которая уже здѣсь, на землѣ познается и ощущается во всей красотѣ и силѣ своей реальности...

Вотъ почему мы не можемъ не привѣтствовать такое смѣлое и правдивое заявленіе петербургскихъ студентовъ:

„Дѣло наше само собой не пойдетъ. Мы должны дѣйствовать, а не только мечтать и разговаривать. Придется жертвовать и собою, и временемъ, и удобствами, и средствами, быть можетъ, и популярностью. Придется преодолѣть страхъ и застѣнчивость, чтобы смѣло и рѣшительно свидѣтельствовать, не стыдясь передъ товарищами, о Христѣ, распятомъ и воскресшемъ. Наша жизнь должна быть лучшимъ подтвержденіемъ нашихъ словъ и не расходиться съ ними. Чистая безукоризненная жизнь студента—сильнѣйшій аргументъ въ пользу его. Мы должны сами питаться Евангеліемъ, чтобы убѣдить другихъ дѣлать тоже. Надо научиться молиться и неослабно пребывать въ молитвѣ“.

„Многія истины, до этого непонятныя, разъясняются сами собою. Богъ перестаетъ быть туманнымъ, отвле- ченнымъ понятіемъ и дѣлается живою, реальною лич- ностью. Христосъ открывается истиннымъ Богомъ и близкимъ, всесильнымъ, любящимъ Спасителемъ. Проще- ніе грѣховъ становится фактомъ, испытаннымъ на опытѣ. Начало новой внутренней жизни, духовной жизни, и присутствіе въ душѣ новой силы свыше—все это дѣлается отрадной дѣйствительностью“.

Вотъ тотъ источникъ любви и познанія Христа, ко- торый болѣе глубоко и широко, чѣмъ любой чисто-науч- ный трудъ...

За то и плоды этихъ трудовъ неизмѣримо болѣе обильны и дороги для здоровой и радостной жизни, чѣмъ весь міръ со всѣми его благами и богатствомъ.

Изъ всего сказаннаго ясно, насколько назрѣло время для прочной организаціи нашихъ русскихъ студенческихъ христіанскихъ союзовъ изъ лицъ обоюго пола, и, именно, для практическаго проведенія въ жизнь христіанскихъ принциповъ, для очищенія той грѣховной, затхлою атмо- сферой, въ которой силено и рядомъ приходится зады- хаться даже сильнымъ духомъ, не говоря уже о не- мощныхъ.

Союзъ молодежи для борьбы съ нравственной грязью, для проведенія новыхъ путей къ свѣту Христовой истины и добра, для поддержанія слабыхъ, идущихъ черезъ свою Голгофу къ высшимъ идеаламъ свѣтозарныхъ христіан- скихъ принциповъ любви,—такой союзъ въ настоящее безотрадное время нуженъ для нашей молодежи, какъ дыханіе для организма.

И вотъ у насъ пока свѣтитъ какой-то еще тусклый маякъ, маленькій кружокъ петербургской студенческой молодежи, а тамъ—въ Европѣ, Америкѣ, Азій и даже Австраліи, созданъ уже всемірный студенческій союзъ съ сотней тысячъ студентовъ!

Легко-ли выговорить: „христіанизация студенчества“ и

„евангелизация міра“—о чемъ мечтаетъ тамошнее сту- денчество съ американскимъ студенчествомъ во главѣ?!

А у насъ, на Москвѣ Бѣлокаменной, и помысленія нѣтъ среди молодежи, что за смыслъ въ этомъ чудномъ студенческомъ движеніи, какъ широко оно охватываетъ волю, умъ и чувство, какой въ немъ призывъ къ святому дѣлу, сила и предѣлы котораго неисчерпаемы, страшно необъятны!..

Я знаю, у насъ много найдется скептиковъ, которые готовы поглумиться надъ этимъ, или, по крайней мѣрѣ, которые усомнятся и скажутъ, что все это нашей моло- дежи не по силамъ.

Но гдѣ же силы родятся, если не среди молодежи?!

Гдѣ же, юные мои друзья, какъ не въ васъ бьетъ ключемъ сама жизнь, молодость, мощь и сила?!

И если заморское студенчество спланивается въ мощ- ные союзы для великаго дѣла внѣшней и внутренней миссіи, то неужели же вы должны отстать отъ этого жиз- неннаго и здороваго движенія?!

Да не будетъ же этого?.. Пойдемъ же лучше съ от- крытой честной душой и чистымъ сердцемъ навстрѣчу къ великому свѣту Правды, Истины, Красоты и Любви, дабы намъ стать въ этой любви прозрачными другъ для друга, проникновенными, какъ огонь, какъ сила жизни въ сердечной чистотѣ, въ силѣ ума и воли и въ красотѣ нетлѣнной!

Пусть же, юные мои друзья, колесо вашей жизни по- вернетъ широкимъ и могучимъ взмахомъ къ великимъ идеаламъ этой вѣчной, нетлѣнной красоты, во свѣтѣ торжествующей Христовой правды, и ваши молодые силы въ чарующей красѣ юности послужатъ великому дѣлу возрожденія и оздоровленія нашей измученной, окрова- вленной и изстрадавшейся дорогой родины, чтобы не стыдно было намъ сказать, что вы—дѣти все той же прекрасной, великой, святой Руси!...